

И. Боярунас

МОЙ СЛЕПУХИН¹

О счастье говорят так, как будто оно одно на всю жизнь: «мой самый счастливый день», «моё единственное счастье», «счастье покинуло» ...На самом деле счастья много, и оно есть у каждого. Только одни это чувствуют, а другие почему-то нет.

Начинается оно с того момента, когда ты, единственный из миллиона возможных, выбран, — и тебе дарится жизнь. И ты рождаешься, и тебя принимает этот огромный мир! Счастье — достичь того, к чему долго и трудно шел. Счастье-минута, когда, заблудившись в лесу и отчаявшись, вдруг выходишь на дорогу. Счастье — яркое солнце после страшной грозы. И огромное счастье — обрести друга.

Ты едешь к нему далеко и ненадолго, чтобы посмотреть в его ласковые глаза, послушать его добрые умные речи, и зарядится его светом. Есть такие редкие люди, которые, нарочито не преподавая, учат главному: чести, достоинству и альтруизму.

Более двадцати пяти лет назад, участвуя в конференции молодых писателей Северо-Запада, я оказалась в группе, которую вели Юрий Григорьевич Слепухин и Иван Иванович Виноградов. В составе нашей небольшой группы были: Эдик Алто, который уже публиковал в журнале «Север» свои элегантные утонченные повести; совсем юный Миша Веллер, тогда еще ленинградец; северянин Владимир Личутин, уже выпустивший в свет свои первые книги. Для меня это было настоящим счастьем. Во-первых, я впервые оказалась в мире профессиональных литераторов, во-вторых, мы попали в очень дружелюбную атмосферу. И, когда конференция закончилась, мы совершенно естественно переместились во Всеволожск к Юрию Григорьевичу Слепухину. Он общался с нами, никак не подчеркивая свою значимость. Насколько

¹ Печатается по тексту: Питербоок. 1999. № 2.

возможно при его интеллигентности и мягкости, отстаивал чистоплотность в литературе, отсутствие всяких тематических спекуляций и конъюнктурности. Несмотря на то, что сам уже настрадался от своей несговорчивости с «вышестоящими» и с их очень переменчивой идеологией.

Вскоре после конференции ребята разъехались: Личутин — в свое Поморье, Алто — в Петрозаводск, Веллер же переехал в Таллин, где было больше шансов печататься, в Питере без «мохнатой лапы» пробиться было почти нереально. Я же оставалась в Питере и очень полюбила дом во Всеволожке. Это счастье было со мной более четверти века. Я приезжала к Слепухиным обычно с ночевкой, как в семью близких родственников. Мы подолгу сживали за большим семейным столом, рассказывали друг другу все, что казалось интересным, и каждый раз случались какие-то открытия. Открывала я вроде бы сама, но как естественно подталкивал, подводил меня к новым мыслям Юрий Григорьевич. Как светлы и радостны бывали такие «самостоятельные» откровения. После таких гостеваний я возвращалась домой с легкой, умиротворенной душой, с верой в себе и огромным желанием писать.

О Слепухине можно рассказывать без усталости. О том, как семья, вывезенная с Украины, по окончании войны с помощью союзников переехала в Бельгию, а затем оказалась в Аргентине. Благодаря сплоченности и трудолюбию они достаточно благополучно прожили на чужбине пятнадцать лет. Там Слепухин написал свои первые романы — о Родине и войне, о жизни в Аргентине. Несмотря на устроенную жизнь, они мечтали о Родине и, как только стало возможно, в шестидесятых годах вернулись в Союз.

Поначалу все сложилось удачно: с успехом были изданы привезенные из Аргентины романы, он стал известным и любимым писателем. Ну, а затем... Затем много лет печатной блокады по причине несогласия Юрия Григорьевича славить трудовые будни и прочие навязанные темы. И, буквально, голодное житье, и большая семья, и молодая жена, терпеливо разделившая все тяготы. И, несмотря на безысходность, он продолжал писать независимые, чистые романы о судьбах человеческих.

Всегда сыты и «на коне» только приспособленцы, они в любые времена на облюбованной должности. Слепухин зависел только от своего таланта.

Времена переменились вновь, и его стали печатать. В прекрасном оформлении, и за границей.

Сколько нужно сил, чтобы пережить столько невзгод и круговоротов. Душа была сильна, но сердце рвалось на части. И остановилось... Он не увидел свой блестящий изданный роман «Государева крестница».

Слепухин был в хорошем смысле несовременным человеком: он владел несколькими языками, но не для бизнеса, а в силу своей высокой образованности; он был необыкновенно техничен, но не для заработка, а для независимости в решении бытовых проблем; прекрасная ориентация в политике, но не для карьеры, а для правильной оценки ситуации.

Мы все очень много потеряли с его уходом. Но остались романы. Читайте их. Они помогут вам увидеть мир в самых ярких и радостных красках.

